

Даниэла Торопчина

Грязь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниэла Торопчина

Грязь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70601233

SelfPub; 2024

Аннотация

Все в жизни девятнадцатилетней Аниты меняется, когда ее выгоняют из колледжа и выселяют из общежития. Решится ли она на отчаянный шаг – ограбить собственного дедушку?

Содержание

I	4
II	7
III	11
IV	16
V	19
VI	23
VII	27
VIII	30
IX	33
X	36
XI	39

Даниэла Торопчина

Грязь

I

– Чтоб вы подошли все, суки! – ругалась Аничка, складывая вещи в большой коричневый чемодан. – Ненавижу!

Она чуть не плакала. Вылететь из колледжа было не так обидно, как потерять место в общежитии при нем; идти ей было некуда.

Дом в Рязанской области, в котором она была прописана с самого детства, давно уже развалился и служил теперь пристанищем для таких же бомжей, каким в скором времени могла стать и сама Анита; она там никогда не жила.

Найти свободную койку в одном из московских хостелов в преддверии майских праздников оказалось непросто, и в конце концов пришлось ехать в Реутов. Хорошо, что соседки разрешили оставить пока чемодан в общежитии – не пришлось тащиться с ним через весь город. Анита взяла с собой кое-какие вещи и поехала заселяться; времени было восемь часов вечера.

– Удостоверение личности и оплачивайте, – потребовала пожилая азиатка средних лет, не дав сказать девчонке и сло-

ва. Аничка послушно сняла рюкзак и, пошурудив в нем рукой, достала оттуда потрепанный паспорт и банковскую карту.

– Только наличка, – прищурилась администраторша. Девочка растерянно посмотрела на нее.

– Или перевод, – раздраженно добавила та.

Койка была на втором этаже двухъярусной кровати и стоила семьсот рублей в сутки. Анита оплатила себе проживание на несколько дней вперед и, уставшая, не став переодеваться, забралась на постель.

«Наконец-то, – подумала она, – на ближайшую ночь можно забыть о проблемах и просто поспать». Однако заснуть ей так и не удалось.

Переворачиваясь с боку на бок, Анита всю ночь размышляла о своей дальнейшей судьбе. Тех денег, что ежемесячно присылал ей брат, теперь уже почти не осталось; раньше десятого числа ждать от него ничего не стоило. Исфандияр зарабатывал хорошо, но был суров и каждый месяц выделял сводной сестре одинаковые суммы – ни копейкой ни больше, ни меньше. Просить у него помощи было бессмысленно, скажет: «Сама виновата, выкручивайся». Сама виновата. Выкручивайся.

Точно так же сказала бы и мама, если бы была жива. И отчим тоже. И другой отчим. А вот...

В голову Аничке пришла блистательная идея. Дед! Дедушка Женя может помочь.

По правде говоря, дедушка Женя не был ей родственником. Мать Аниты когда-то встречалась с его сыном Андреем – это были все узы, связывающие их. Но дед любил названную внучку и даже иногда баловал: брал к себе в гости и на работу в библиотеку, где вел литературный кружок. Дедушка Женя был писателем.

Аничка помнила: он жил в огромной квартире, полностью заставленной книгами и заложенной газетами. Там были большие окна со старыми пыльными шторами и электрический чайник, меняющий цвет подсветки. Она давно не была у деда и, казалось, даже немного скучала по нему; она знала, что он поможет.

II

Улица перед библиотекой была залита солнцем; на карте оставались последние три тысячи рублей. Шаркая и бормоча что-то себе в усы, из библиотеки вышел старый писатель Евгений Солнцев. Бесцеремонно взобравшись на каменные перила, на крыльце сидела худенькая белокурая девушка; дед Женья не узнал в ней Аниту.

– Дед! Дедушка!

Писатель, уже почти прошедший мимо, резко обернулся и удивленно приподнял густые брови.

– Ба!

Дедушка с внучкой поздоровались и обнялись.

– Как ты выросла, Аничка! Какая ты хорошенькая!

Девочка потупила взгляд и поджала губы; что-то темное зашевелилось внутри, когда она почувствовала неприятный запах старческого тела. «Фу, – подумала она, – почему старики не моются? Надеюсь, у него дома не пахнет так же, как я там буду жить?». Она не знала, как приступить к своей просьбе, так что решила спрашивать в лоб:

– Дедушка, мне нужна помощь.

– Конечно, Аничка, все что угодно, – засуетился писатель, и губы его почему-то задрожали.

– Мне негде жить. Можно я поживу немного у тебя?

Губы дедушки перестали дрожать, а выражение лица сме-

нилось на какое-то мрачное. Он растерянно развел руками и медленно проговорил:

– Боюсь, Аничка, это невозможно.

Казалось, пояснять он не собирался, так что пришлось уточнять самой:

– Почему?

– Понимаешь, Аничка, мне... У меня негде.

Анита разочарованно вздохнула и отстранилась от старика.

– Ладно. Я пойду тогда. Пока.

Уходя, девочка не видела, как на глазах деда заблестели слезы. Впрочем, заплакать была готова и она сама – от обиды, несправедливости и злости. Как цинично и неблагородно! Оставить родную... Ну, или не родную внучку на улице, когда у самого шикарная двухкомнатная квартира почти что в самом центре Москвы.

– Вот сукин сын!

Разочарованная Аница вернулась к себе в гостиницу и горько расплакалась. Теперь вариантов точно не было: до тридцатки, которую брат пришлет десятого мая, еще больше недели; а, может, и не пришлет, узнав, что ее выперли с учебы. Если бы только дед согласился ее приютить или дал бы ей денег! У него их должно быть много, он же писатель. Писатели – богачи, все остальные люди работают.

Живот неприлично громко урчал – девочка снова забыла поесть. Все в комнате уже спали или делали вид, только женщина на нижней койке в углу смотрела что-то в наушниках. Аничку она раздражала: даже через наушники были слышны глупые диалоги и закадровый смех из ее сериала.

Девочка залпом выпила пол-литра воды из своей литровой бутылки; чувство голода немного притупилось. Постепенно стала засыпать; голоса из наушников соседки по комнате становились все менее различимыми и все более далекими, а в какой-то момент и вовсе почти превратились в белый шум.

Внезапный голос заставил ее проснуться.

– Ограбь его!

Анита открыла глаза и поняла, что ее сердце бьется с небывалой скоростью.

– Ограбь его, Вики, – донеслось из наушников. – Вынеси все из его дьявольского дома, старикан это заслужил!

Ее словно ударило током. Почему она услышала это именно теперь? Почему услышала именно это? Неужели это ее собственные мысли нашли выражение во внешнем мире и отыскивали свою хозяйку здесь, в темной хостельной комнате на шесть человек?

«Никто не заслуживает такого», – постаралась успокоить себя девушка, но то темное, что поселилось в ее душе днем, уже разрасталось у нее внутри. Аничка вспомнила тошнотворный запах немытого тела, исходящий от деда Жени, и

невольно поморщилась. «Он отказал мне в помощи, якобы у него негде жить. Я помню его квартиру! Она богатая, большая. Ему просто плевать на меня».

III

С утра Анита уже была уверена: она ограбит дедушку Женю. Если ночью это даже звучало страшно, то утром превратилось в почти что здравую мысль – старик был богат и, очевидно, скуп; такие люди как никто напрашиваются на какое-нибудь преступление.

С самого пробуждения девочка рыскала в интернете в поисках подходящего реквизита. План был предельно прост: припугнуть старика ненастоящим оружием, заставить отдать деньги, пригрозить убийством, чтобы не обращался в полицию. Оставалось найти где-нибудь пистолет или что-то вроде, который выглядел бы, как настоящий.

Раздобыть такую игрушку оказалось не так уж и сложно; Аничка даже уложились в девятьсот рублей, потратив на детский (но утяжеленный и скопированный с настоящего) ПМ всего треть оставшихся у нее денег.

Следующим утром она забрала свою покупку из пункта выдачи и поспешила в гостиницу – нужно было открыть и проверить приобретение, пока в комнате никого не было. Пистолет оказался и правда довольно тяжелым; на его коричневой ручке была отчеканена звезда, а внутри металлического дула оказалась резьба для глушителя. В представлении девушки оружие выглядело и ощущалось в руке именно так – значит, дед тоже не должен был заметить подвоха.

Времени размышлять не было – заканчивались последние сутки пребывания Аниты в хостеле, так что кроме квартиры дедушки Жени идти ей было попросту некуда.

Последние деньги решено было потратить на такси. Ехать до дома старика было долго и дорого, но выбора не было: в метро проверяли людей с рюкзаками. Мало ли что?

Уже подойдя к квартире писателя, она задумалась: вдруг его нет дома? Однако ж раздумывать было уже поздно; девочка резко, как перед глотком водки, выдохнула и нажала на кнопку. С той стороны двери завибрировал звонок, затем послышалось неторопливое шарканье.

– Кто там? – было слышно, как старик отодвинул крышку глазка и, наверное, смотрел сквозь него, пытаясь идентифицировать фигуру на лестничной клетке.

– Я, дедуль!

Поворот ключа. Еще поворот. Дверь открыта.

– Проходи, дорогая, – дедушка Женя как-то по-необычному вяло поковылял на кухню, – сейчас чайник поставлю.

Анита разулась и принялась осматриваться. С тех пор, как она была здесь в последний раз, квартира будто обмельчала и заросла хламом и пылью. По всем стенам стояли обшарпанные шкафы и полки, доверху заполненные книгами и газетами; кое-где в углах прятались текстильные сумки, набитые то печатными изданиями, то посудой, то еще каким-то дерьмом. Из туалета воняло сыростью, из ванной тоже; даже

мыть руки там было противно. По пути на кухню девушка заглянула в ту комнату, где собиралась жить: теперь в ней не было даже кровати, зато весь пол был уложен теми же сумками непонятного содержания.

Сердце сжалось. Что-то темное внутри вдруг увеличилось в размерах – и тут же скукожилось до размеров морского ежа.

– Иди, иди, красавица моя, – позвал дед. – Чайник кипит.

– Иду, дедуль, – крикнула девочка и послушно пошла на кухню.

За чаем старик долго извинялся за то, что не смог пустить ее к себе жить, и сетовал на теперешнюю несчастную жизнь; с тех пор, как погиб сын, он жил отшельником в своей квартире и выходил из дома лишь ради писательского кружка при библиотеке. Что-то темное внутри Аниты превратилось в маленький обиженный комочек и захотело заплакать.

– Память подводит, – пожаловался дедушка. – Представляешь, Аничка, дал соседу займы – и забыл совсем. А там сумма такая круглая! Пятьдесят тысяч дал. Потом в записной книжке, хорошо, нашел карандашиком записанное. А так бы и не вспомнил – и он бы и не отдал бы.

– Дедуль, ну как же так, – сочувственно вздохнула девочка, – хорошо, что ты записал. Теперь все записывай обязательно, – подытожила она и громко отхлебнула горячий горький чай.

– Да, теперь без этого никуда, – писатель постучал пальцем по лежащему рядом с ним блокноту. – Тебе, кстати, денег не надо?

Анита смущенно опустила глаза и поджала губы. Дед все понял без слов и, поспешно встав из-за стола, ушел в гостиную.

Минут через семь он вернулся, держа в трясущихся руках большие квадратные очки.

– Аничка, ты... Ты не помнишь, за чем я ходил?

– За деньгами, дед, – говорить это было невероятно стыдно.

– За какими деньгами? – вдруг нахмурился дедушка, и его голос приобрел какой-то холодный металлический тон.

– Ты спросил, нужны ли мне деньги, и...

Девочка осеклась, наткнувшись на злобный взгляд старика.

– Никаких денег ты не получишь, шлюха, – отчеканил он. – Вся в мать.

Глаза Аниты стали большими и круглыми от удивления. Она впервые видела дедушку таким.

Старый писатель тем временем взял в руки кухонную тряпку и со всей силы хлестнул ею девушку по спине.

– Пошла вон!

Та послушно встала и, проигнорировав деда, направилась к выходу. Он продолжал со злостью сыпать удары; прикосновения грязного полотенца к коже и одежде обжигали и были

противны.

– Тварь поганая! – заорал вдруг старик. – Ненавижу тебя, мразь! Ты убила моего сына, Мия, ты, блядь!

«Он зовет меня именем матери... Все плохо», – заключила Аничка. Уже обувшись, она вдруг в гневном порыве вытащила из сумки пистолет и заорала:

– Стой, сука!

Дед оторопел и прекратил хлестать девочку полотенцем.

– Еще одно движение, и я тебя застрелю!

Старик, тяжело дыша, поднял руки вверх и застыл на месте.

– А... Аничка, я...

– Молчи, сука! – прохрипела сквозь слезы Анита. – Стой на месте! – прокричала она и быстро прошла в гостиную. Она знала, где дедушка с незапамятных времен прячет наличку; открыв дверцу шкафа, она стала шарить рукой по карманам висящих в нем пальто, и скоро нашла то, что искала.

Отсчитав себе сто пятьдесят тысяч – чуть больше половины всей пачки, – она сунула остальное обратно и пошла к выходу.

В прихожей, тяжело дыша и стоная, облокотившись на стену полулежал на полу побледневший старик. Он было протянул руку к уходящей Аните, но та и не посмотрела на него; гневно сунув пистолет и деньги в рюкзак, девочка вышла из квартиры, громко хлопнув за собой дверь.

IV

Кот пил третью порцию холодного кофе за утро, нервно тыча в него трубочкой и исподлобья разглядывая других посетителей. Он ненавидел их, ненавидел себя и ненавидел Аниту, ради которой ему пришлось выйти из дома в такую рань. Эта глупая девчонка всегда была не к месту: в десять лет ему пришлось поселиться с ней в одной комнате – отца тогда спутался с ее матерью-наркоманкой. В двенадцать папу посадили, он умер в тюрьме. Из-за нее! В двадцать два приходилось ждать ее второй час в кофейне на Грибоедова, потому что никого больше у нее, у него и у них обоих вместе не было.

У Анички было самое тупое лицо во всем Петербурге, когда она, озираясь по сторонам и сверяя каждый шаг с навигатором в разбитом телефоне, остановилась на мосту с крылатыми львами. Дура расшаперилась со своим рюкзаком посреди узкого прохода – пришлось срочно идти к ней.

– Пришибленная, ты возле памятника не могла встать?

Аничка закатила глаза и тяжело вздохнула. Исфандияр вечно был недоволен ею: она была то слишком громкой, то слишком неуклюжей, то слишком честной для того, чтобы спокойно сосуществовать с ним в одном мире.

Молодые люди сошли с моста и нырнули в открытую ка-

литку экономического университета. Анита была здесь впервые, а вот Кот окончил целых два курса, – на третьем его отчислили за то, что довел до нервного срыва преподавателя психологии (по крайней мере, эту версию он сам любил всем рассказывать).

– Ну, порази меня, – парень не любил пустых разговоров.

– Я ограбила деда, – выпалила девочка и, тяжело вздохнув, уставилась на брата.

Глаза Кота округлились настолько, насколько это возможно при смещении внутри человека всех среднеазиатских кровей.

– Кого?

– Помнишь, после твоего бати у матери был пару лет мой третий отчим... Ну, до тебя, – Анита укорительно прищурилась.

– Андрюха?

– Да, да, Андрей. Он нормальный был, сдох в прошлом году. Вот, его отца.

– Хуя, – Кот достал из кармана две сигареты: одну закурил сам, другую отдал сестре. Девушка села на скамейку и, сделав пару затяжек, продолжила:

– Ну, помнишь, Андрей нас домой к нему возил, он писатель... Дед Женя.

– Ну?

– Ну вот, его.

Аничка понимала, что о причинах сего безумства она должна рассказать если не честно, то хотя бы душещипательно. Брат не поверит – значит, не поможет.

– Он меня домогался. В детстве. Много раз, – девушка опустила глаза. – Я обратилась к нему за помощью, а он отказался. И еще... Он, кажется, умер.

Она знала, куда давить. Ее первым в жизни любовником был отец Исфы – Аните тогда было девять. Это вскрылось, и если сам Рашид прожил после суда недолго, то Кота чувство вины пожирало все эти десять лет. Аничка никогда не выпускала этот козырь из рук.

– Значит, правильно сделала, – Кот ненадолго обнял сестру и в знак утешения похлопал ее по макушке. Хотелось ткнуться лицом в ее волосы и заплакать, но было нельзя. – С чем тебе помочь?

V

Детям в их недолго прожившей, но все же семье, было принято давать забавные прозвища. Рашид был пожестче, но страшно любил уменьшительные слова: своего Исфу он ласково звал Куском¹, падчерицу – то крыской, то мышкой, то – особенно нежно – беззубой шалавкой. Зубов у девчонки и правда тогда почти не было: молочные выпали, а коренные не торопились расти. Хотя наедине, во время оральных ласк, отчим был этим скорее доволен и хвалил ее недостаток, при людях Анита, боясь быть обсмеянной, старалась не улыбаться. Статус же шлюхи она просто унаследовала от матери – в верности малолетней любовницы сомнений не возникало в силу возраста и неопытности.

Она, Аничкина мама, была из тех женщин, которые ласковы и с мужиками, и с мальчиками. Ей нравилось, когда муж переделывал ее имя на итальянский манер и называл Мамма Мия – была уверена, что это значило «моя Мия». Никто из мужчин до и после не говорил ей подобного, однако она сама обожала давать любовникам клички: с ее легкой подачи чуть после пятнадцати лет Кот стал не только Котом, но и самым крутым парнем в классе, хотя он и не любил вспоминать об

¹ по аналогии с русск., прост., презр. «кусок дерьма» – крайне непорядочный человек. Максимов, 215.

этом. В дочери же с самого детства Мия видела лишь соперницу и обузу, и старалась совсем никак ее не звать.

Питерские маршрутки тряслись посильнее московских – Аниту тошнило и в тех, и в других. Кое-как добрались до дома: Исфандияр снимал комнатуху, называемую квартирой-студией, едва-едва в городской черте: светлую, двухэтажную и с собственным санузлом, но все-таки коммунальную. «В этом доме крики деда точно слышали бы, да и мои тоже», – пронеслось в голове. Не заговорить об ограблении на улице, в транспорте, в парадной было почти невозможно, но брат дал понять: церемониться с Аничкой никто здесь не собирается. Одно лишнее слово – и чемодан, вокзал, Москва, разбирайся, как хочешь. Только вместо чемодана рюкзак.

У тяжелой входной двери висел улей звонков с одним жильцам понятными обозначениями фамилий и комнат. Под белоснежной, почти новой кнопкой с аккуратно выведенной посередине четверкой был приклеен бумажный прямоугольник: «Курбанов И».

– Ты так и не сменил фамилию?

Кот не ответил.

– Я тоже.

Разговор не продолжался, пока не захлопнулась последняя дверь. Потолки в комнате Исфы были раза в три выше, чем у Аниты в общежитии, а одно-единственное (но огромное!) окно давало столько света, сколько не поместилось бы никогда в тесной пятиместной спальне. «Двухэтажная» – это было, конечно, сказано сильно; вторым этажом здесь служила широкая антресоль с низкой неопрятной кроватью и полупустой полкой для книг. Под ней – только стол, кресло, компьютер и полуживой диван, доставшийся Коту, видимо, от прежних жильцов или соседей.

– Я хотел поменять фамилию, но не знал, на какую. Сейчас как-то не до этого, – наконец ответил Исфа, с трудом проворачивая ключ в деревянной двери. – Я не знаю вообще, есть ли в этом смысл, если все равно вся эта хуйня никуда не денется. Курить будешь?

Аничка скованно мотнула головой. Брат открыл форточку, забрал у нее рюкзак и жестом пригласил на кухню – в самый дальний угол квартиры, отгороженный от остального пространства узенькой барной стойкой.

– Тебе хватает места?

– Вполне, – Кот отхлебнул чаю из грязной кружки, стоявшей на письменном столе, который в этом доме выполнял функции разделочного. – Мне без разницы, если честно. Я никого не приглашаю – поэтому нормально, – Исфандияр

включил электрический чайник и закурил. – Но я рад, что ты приехала.

До вечера они почти не говорили. Анита переоделась в вещи брата и прилегла на диван: после бессонной ночи в не по-хорошему укачивающем поезде короткий дневной сон случайно стал полноценным восьмичасовым. Иногда, правда, она невольно приоткрывала глаза – тогда впереди возникал и тут же расплывался мужской силуэт, который ей сквозь сон никак не удавалось вспомнить.

Кот, изредка оглядываясь на спящую сестру и недовольно бормоча что-то себе под нос, возился у старой электрической плитки и без перерыва курил. Встроенного в вытяжку светильника для готовки вполне хватало: в алюминиевой кастрюльке уже клекотала импровизированная чучвара (на деле она, правда, представляла собой лишь пельмени с бульоном); рядом в большой утятнице отдыхал плов. Готовить маленького Исфу учила мама; отец побил и выгнал ее незадолго до встречи с Мией. Теперь это все вспоминалось, как сон – такой же страшный, как снился сейчас, наверное, Аничке. Иначе почему она могла бы так плакать во сне?

VI

Любимым блюдом Аниты с самого детства были сосиски: она готова была есть их на завтрак, обед и ужин, но в их доме этот деликатес появлялся редко и уничтожался моментально. Куда чаще варились пельмени: какое-то время Рашид даже делал их сам из самого дешевого покупного теста и подтухшего мяса, которое мать таскала с работы. Через год после смерти Рашида Исфандияр переехал к тетке, но продолжал заходить: сначала просто проводывал, а чуть позже стал греховодиться с мачехой. Тогда на смену полуфабрикатам пришла чучвара – не та, что теперь стояла уже остывшая на столе, а настоящая, с заботливо слепленными тетей Гаей маленькими треугольными пельмешками. Гая любила Мию и старалась всячески подкармливать – до тех пор, конечно, пока не узнала о ее связи с малолетним племянником. Был большой скандал; их общение прекратилось. Кот переехал снова к Аните и ее матери, только в другую комнату; тетка же прокляла всех троих и покойного брата и пообещала похоронить заживо каждого из них, кто попадется ей на глаза. Это было чудесное время: мать работала и почти завязала, только покуривала вечерами, Анита ходила в школу не реже раза в неделю, Исфандияр в основном учился и даже брал дополнительные занятия с репетитором, а в выходные и по

вечерам торговал удобрениями в цветочном ларьке у метро. На жизнь стало хватать: появились даже деньги, чтоб оплатить долги. Оплачены они, правда, не были – зато матери стали еженедельно доставлять антидепрессанты. От них ей было заметно лучше, только она стала очень потливая и весь дом от нее пропах сырой картошкой; с тех пор Аничка не могла без рвотных позывов смотреть даже на чипсы – хотя, безусловно, то время было хорошим. Вскоре Мия вскрыла вены – тогда девочка и полюбила плов, который готовил ей Исфа: третье блюдо в списке обожаемых ею и первое по частоте из всех, что подавались к столу.

Что ей снилось, Анита забыла, едва проснувшись. В комнате было темно, но в глаза бил уличный фонарь, при свете которого вполне можно было бы жить, не платя ни копейки за электричество, – подумалось ей. За стенкой громко ругались несколько женщин; брата в комнате не было.

С трудом освободившись от тяжелого шерстяного одеяла, заботливо накинутого и подоткнутого Исфой, она спустила ноги на холодный паркет и поежилась. Принялась глазами искать выключатель – уличное освещение, казавшееся неуместным в комнате, как будто подсматривало за ней и заставляло беспокоиться. Выключателя видно не было, но об этом Аничка задуматься не успела: в двери четырежды тяжело провернулся ключ, и все пространство залило светом –

это Кот вернулся домой с кучей пакетов в руках.

Парень не ожидал, что сестра проспит так долго. Он пытался разбудить ее к ужину – не сумел, один есть не стал. В ванной помыл посуду; задумавшись, столкнул с раковины три тарелки и кружку, сложенные друг в друга. Пришлось идти в магазин за новыми. По пути захватил для сестры тапки, пару предметов одежды, несколько шоколадок и три литра коровьего молока – она его обожала!

Из-под двери света не было: значит, еще спит. Еще бы! Столько стресса за одни сутки. А, нет, не спит – Анита, лохматая и похожая на ребёнка, сидела на диване, щурясь от внезапно зажегшейся лампочки.

– Доброе утро! – радостно поприветствовал сестру Кот. Девушка нахмурилась и что-то пробормотала в ответ, как делают дети, только-только поднятые с постели.

– Хорошо себя чувствуешь?

Кивнула.

– Ну, уже хорошо, – Исфандияр, разувшись, прошел на кухню и стал выкладывать содержимое пакетов на барную стойку.

Анита лениво пыталась найти глазами часы, но не нашла. Сонным голосом проскрипела: «Сколько времени?», но брат не услышал. Пришлось прикрикнуть:

– Кот, время!

– Не кричи, у соседей ребенок маленький, – парень полез в карман за телефоном. У него был новый, большой, красивый, не то, что Аничкин побитый старикашка, бывший с ней с восьмого класса. – Полдевятого.

Аничка разозлилась на брата: ей тоже хотелось покупать новую технику; однако тех денег, что присылал ей Исфа после самоубийства матери и его отъезда в университет, едва хватало на покупку еды и курсовых для колледжа – не то, что на новые игрушки.

– Твои соседи сами только что орали тут как резаные! – еще более раздраженно сказала девочка. – А я как хочу себя, так и веду, – и, нарочито громко топя, скрылась в ванной. Дверью хлопнуть не получилось: та закрывалась слишком туго, и в ней не было даже замка, который можно было бы со злостью громко повернуть.

VII

Из-под горячего душа вылезать не хотелось, но голод был сильнее. Анита вспомнила: последний раз она ела вчера утром; тогда она еще даже не стала преступницей. Можно сказать, была другим человеком!

– Кот, полотенце!

В двери появилась голова Исфы:

– Не ори.

На пол возле обшарпанной ванны упал кусок махровой ткани – слишком истертый, чтоб называться полотенцем, но чистый и сложенный аккуратнее некуда. Вытираться пришлось, стоя в ванне за полупрозрачной занавеской – брат забыл закрыть дверь.

Стыдливо крадучись, девушка вышла на кухню, завернутая в это самое полотенце.

– Ты мне одежду купил? Я видела. Где она?

Кот, занятый подогреванием еды на электрической плитке, не оборачиваясь протянул руку в сторону окна. Под ним на чуть теплой батарее Аничку ждали дешевые домашние тапки, пара трусов и пижамный комплект.

– У тебя еще топят?

Парень не ответил.

Пижама была дурацкая, как будто детская, но села отлич-

но.

Большая тарелка чучвары уничтожилась за пару минут; для плова места в желудке уже не осталось, но Анита насильно впихнула в себя несколько ложек – слишком она его любила.

– Зимой потеплее будет, сейчас уже плохо греются батареи, – Исфа разлил кипяток по чашкам и закурил. – Расскажешь, что было-то?

Девушка смутилась. После крепкого сна, горячего душа и сытного ужина она наконец почувствовала себя человеком, так что вчерашний конфуз был последним, о чем ей теперь хотелось думать. Брат смотрел на нее мягко и тупо: не сверлил взглядом, а будто аккуратно продавливал свой вопрос внутрь ее черепной коробки. Промолчать было бы грубо.

– Я себя ненавижу, – вырвалось само собой. – Это было максимально стыдно, я ебанутая мразь и оставила старика умирать, еще и обокрала его.

Взгляд Аниты застыл на большой столовой ложке, обратной стороной которой Исфа размешивал чай.

– Хорошо, только не кричи так. Давай как-то полусшепотом, что ли?

– Давай.

– Итак, он тебя не домогался, да?

Аничка поморщилась и от стыда зажала рот рукой. Она

уже забыла, что наврала брату.

– Я случайно. Я пришла к нему в гости, хотела денег попросить – меня выгнали из колледжа и выселили из общаги, и... У меня не осталось на жизнь ничего. Ну, он мне сначала сам хотел денег дать, а потом как будто с ума сошел – начал орать, что я шлюха, называть меня Мией, бить... Я достала игрушечный пистолет, пригрозила ему, сама спиздила деньги и ушла, – с тяжелым вздохом закончила рассказ девушка.

– И правда пиздец, – громко выдохнул Исфа. – Игрушечный пистолет?

– Да. Я его потом выбросила где-то около вокзала.

– Оставила умирать?

– Да. Ему стало плохо, когда я уходила.

Эти воспоминания слепили и пьянили; девушке потребовалось прилечь. Забывшись, она вновь заснула и проспала до самого полудня.

VIII

Подушка, брошенная братом с верхнего яруса квартиры, приземлилась точно в цель и разбудила Аниту.

– Козёл!

– Не ори и вставай, – Кот ловко спустился, спрыгнув на пол с самой середины лестницы, и принялся тормозить сестру.

– Встаю я, встаю.

– Где деньги?

Вопрос брата ударил девочку током и на мгновение вернул в позавчерашний день. Вспоминать о своем поступке она не хотела – ей было противно думать, что где-то посреди Москвы разлагается на полу и воняет ее дедушка Женя.

Она молча подошла к рюкзаку и достала из него тонкую стопку купюр.

– Сто пятьдесят вроде.

– Хорошо, – на автомате выдал Исфандияр. – Точнее, плохо. Он точно умер?

– Ну, ему стало плохо, когда я уходила, он лежал на полу. Я не знаю, честно.

– Плохо. Если он жив, может пойти в полицию.

Это было несправедливо. Он ведь сам хотел дать Аничке эти деньги! Просто потом у него случился приступ. Да и она забрала даже не все, а только лишь половину – понимала, что

старик сам нуждается в деньгах.

– Я даже не знаю, на что надеяться. Жалко его.

– Жалко? – возмутился Исфа. – А почему?

– Ну...

– Тебе не должно быть жалко его, – отрезал брат. – Чувак, который толкал таблетки твоей матери, не жалел ее. Я не жалел тех, кому продавал наркоту через цветочный ларек в десятом классе – мне надо было содержать семью. Вас содержать! Ты совершила преступление – добро пожаловать в этот чудесный мир! Здесь никто никого не жалеет, – прошипел он сквозь зубы в конце.

Аните стало страшно; она никогда не видела Исфандияра таким, и тем более не представляла, чем на самом деле он зарабатывал на жизнь, когда жил с нею и ее мамой. Девушка расплакалась.

Кот забрал из ящика стола ноутбук и ушел, закрыв сестру в квартире. Она и не возражала; после тяжелого разговора ей вновь захотелось поспать. Переборов себя, Анита порыскала в холодильнике в поисках еды и принялась завтракать пловом.

Что делать дальше? Как жить? Прятаться ли или спокойно существовать без страха перед каждым проходящим мимо полицейским? Как тратить деньги? Уехать от брата или продолжить жить с ним? Эти мысли занимали девочку ближайшие несколько часов.

Вскоре вернулся Исфа.

– Куда ты ходил?

– Работал, – парень был мрачен.

– Ты же работаешь из дома?

– Да, иногда из кофейни в соседнем доме, иногда из ближайшей библиотеки или из парка, – раздраженно ответил он. – Сегодня была кофейня.

– Я мешаю тебе? – вопрос прозвучал немного обиженно.

– Не в этом дело. Иногда просто нужно побыть в одиночестве, – в голосе Кота слышалась усталость. – Что теперь будешь делать?

Он словно читал ее мысли.

– Не знаю, может... – взгляд девушки упал на ее разбитый телефон. – Может, куплю себе новый телефон.

Исфа недовольно ухмыльнулся и не стал ничего говорить.

– Чего молоко не пьешь? – поинтересовался он, заглянув в холодильник.

– Мне нельзя.

– С чего это? Всегда любила!

– У меня непереносимость лактозы, доброе утро, – недовольно пробурчала Аничка.

Следующие пару часов она провела, лежа на диване и читая статьи о разных моделях телефонов. Чем занимался брат, она не видела – не знала даже, не ушел ли он снова.

IX

– Смотри, что я получила! – Анита спускалась в пункт выдачи на первом этаже дома и вернулась особенно радостной. – Смотри!

Она достала из пакета коробку, упакованную в синюю пленку, и нетерпеливо разорвала ее. Брат обернулся и прищелкнул.

– Ого, это новый?

– Да, долго выбирала и выбрала самый рациональный, – похвалилась девочка. – Нормальная камера, памяти много и деньги не все потратила, – она была явно горда собой и довольна покупкой.

Кот засмеялся и вновь отвернулся к компьютеру.

– Замечательно. Сколько, если не секрет?

– Сорок тысяч.

– Норма-ально, – протянул парень. – Ра-ци-о-наль-нень-ко.

Анита ожидала подобной реакции брата. Кто бы говорил! Его-то монстр, который даже в карман помещался с трудом, наверняка стоил в два раза дороже.

– У тебя есть вторые ключи?

– Зачем тебе?

– Мне нужно уйти.

Вторых ключей у Исфандияра не нашлось, и он дал Аните

единственные, чтобы она, идя по своим важным делам, заодно сделала дубликат. Куда она собиралась пойти в чужом незнакомом ей городе, он спрашивать не стал.

– Ты так все деньги проебешь, – предупредил Исфа, когда вечером девушка вернулась домой с длинным замысловатым маникюром.

– Я еще на стрижку и окрашивание записалась, – съязвила она, показав брату язык.

Тот пожал плечами:

– Как знаешь. Я тебя содержать не буду.

Аничка и не рассчитывала на подачки брата. Тех денег, что она украла у старика, должно было хватить еще надолго – а там она что-нибудь придумает.

За свою короткую тридцативосьмилетнюю жизнь ее мама никогда не была в салоне красоты. Волосы она красила сама дома, иногда вместе с подружкой тетей Ирой – толстой женщиной средних лет, любившей вино и шептаться о всяких непристойностях на кухне. Даже когда семнадцатилетний Кот, торгуя наркотиками через цветочную палатку у метро, стал приносить в их семью неплохой доход, мать все спускала на таблетки – и ни разу не удосужилась сходить на маникюр. В целом она была неухоженной, можно даже сказать некрасивой, однако от мужиков у нее не было отбоя. Анита так не хотела.

Иногда она представляла себе вонючую волосатую промежность своей матери, в которую то входил, то выскальзывал из которой член ее брата. «Что он в ней нашел? Разве что сам первый секс в пятнадцать или шестнадцать лет», – удивлялась девушка. Что находили в Мие владельцы всех остальных членов, в ней побывавших, Аничка также не представляла. Когда-то она вместо брата воображала Рашида, его отца, чей пенис и на вид, и на вкус она знала с самого детства; иногда – своего собственного отца, которого никогда не видела. Мама ассоциировалась у нее с грязным телом, похотью и липким потом – этого не должно было быть в ее собственной жизни.

Следом за маникюром и стрижкой шли эпиляция, брови, ресницы и обновление гардероба. Последнему Аничка была особенно рада: вот уже года три ей не удавалось купить себе ничего кроме самой необходимой одежды, которая приходила на замену совсем истертым и порванным вещам. Каждый раз, когда она счастливая возвращалась домой с очередным пакетом или коробкой из доставки, Кот одаривал ее пренебрежительным взглядом и снова бубнил себе под нос что-то вроде: «Разбазаришь все деньги, я не буду тебя обеспечивать». Анита знала, что он блефует – не выгонит же Исфародную сводную сестру на улицу!

Денег тем временем оставалось чуть больше половины.

Х

– Мне нужно с тобой поговорить! – Анита проснулась от необычно звучного голоса брата. Кот, с грохотом отодвинув стул, уселся на него и похлопал ладонью по противоположной стороне барной стойки, приглашая сестру присоединиться к разговору.

Сонная девочка нехотя поднялась из постели и послушно села напротив.

– Что ты будешь делать дальше?

Ответа не последовало, и Исфандияр повторил вопрос еще громче:

– Что. Ты. Будешь. Делать. Дальше? Какие у тебя варианты?

Аничка тупо уставилась на Кота и несколько секунд собиралась с мыслями.

– Не знаю. Ограблю еще какого-нибудь деда, – хотела было пошутить она, но брат вдруг влепил ей звучную пощечину, от которой она окончательно проснулась.

– Еще варианты?

– Подожду год, восстановлюсь в колледже, получу диплом, – приходилось выдумывать на ходу, чтобы Исфа не злился еще сильнее.

– Хорошо. А жить на что будешь?

– Ну... – Девочка замялась, потому что в глубине души

надеялась, что все это время ей будет помогать Кот. – Я думала, все будет, как сейчас.

– То есть, что я тебя буду кормить, поить, работать для тебя, а ты будешь просто целыми днями спать и шляться по магазинам? – парень явно был взбешен и уже почти перешел на крик. – Так?

Анита смущенно кивнула и уставилась на трещину в столешнице, ожидая второй пощечины, но ее не последовало. Вместо этого Исфандияр вскочил со стула и стал ходить по кухне.

– Какая ты наглая, какая ты... Тебе девятнадцать лет, хули я вообще тебя содержу?! Я вожусь с тобой с тех пор, как мы были детьми, я с шестнадцати лет торговал наркотой, чтобы прокормить тебя и твою мать, я работаю как проклятый, чтобы ты могла учиться в колледже, а ты... Что ты сделала в своей жизни, ограбила дедушку, который души в тебе не чаял? Оставила его умирать и прибежала ко мне! «Котик, помоги, я не знаю, что делать», – это всё, на что ты способна!

Кот на пару секунд замолчал, чтобы перевести дыхание. Аничка решила воспользоваться этой паузой и, сама от себя не ожидая, выпалила:

– Да, это все, что я могу! Не переживай, если ты так не хочешь мне помогать, я уйду и больше никогда ты меня не увидишь! – с этими словами девушка скрылась в ванной. Когда она, проплакавшись, вышла оттуда, в квартире уже было пусто. Анита решительно собрала свои вещи в рюкзак,

начеркала на клочке бумаги: «Оставшееся заберу позже», и покинула дом брата.

На улице клочкотал гром и шел ливень; свой новый зонт девочка забыла в квартире, возвращаться не стала. Еще раз взглянув на окно комнаты, которую она по ошибке уже стала считать своим домом, Аничка вызвала такси до ближайшего недорогого отеля. Что-то темное внутри нее, уже успокоившееся и улегшееся на дно, вновь поднялось и заполнило всю ее сущность.

XI

Анита лежала на большой кровати, тупо уставившись в потолок. Что теперь делать?

Перевернулась на правый бок. Может, правда восстановиться в колледже? Но чем тогда платить за него? В любом случае, до этого еще целый год.

Перевернулась на левый. Жаль дедушку Женю – он, наверное, сейчас лежит там, в прихожей, мертвый, и никто о нем не вспоминает. С другой стороны, он вроде как сошел с ума; можно считать, что это и вовсе теперь не он.

«Нет, это он, мой дедушка Женя, – подумала Аничка и неожиданно для самой себя разревелась. – Это его я обокрала и оставила умирать одного. Это я, его внучка, которую он любил и водил в гости, которой читал книжки. Это я, это я, это я его убила!». Она не заметила, как мысли превратились в шепот.

– Мой дедушка Женя, – рыдала она, – мой дедуля! Какая же я тварь! Взяла и убила, у-би-ла!

На смену слезам о дедушке пришли слезы о брате.

– Кот, Котик, Исфа... Ты ненавидишь меня! Я ужасная сестра, я плохая, плохая... – девушка уже задыхалась. – Я никому не нужна. Я никому не нужна! – последние слова она практически прохрипела.

После нескольких часов истерики Анита наконец нашла в себе силы дойти до ванной. Из зеркала на нее смотрела заплаканная уродина с опухшими глазами и грязными спутанными волосами. Нужно было помыться.

Девочка, с трудом различая предметы перед собой, разделась и залезла в душ. Намылить голову шампунем из одноразовой упаковки оказалось довольно сложно; руки тряслись и не слушались. Аничке хотелось взять самую жесткую губку и смыть с себя всю грязь, в которую она с головой окунулась в последнее время, но губки у нее не было – был лишь гель для душа с запахом то ли клубники, то ли каких-то экзотических фруктов. Она мылась, скребя и царапая себя ногтями. От этого на теле оставались розовые полосы, а кое-где на них проступали маленькие красные капли. Ей было не больно.

Смыв с себя всю пену и грязь, девушка, казалось, очистила и свой разум; истерика сменилась пустотой. Еще минут двадцать она голая сидела под душем, обняв себя за колени и легонько покачиваясь. В голову приходили самые разные мысли; ухватившись за одну из них, Анита вышла из кабинки и, не вытираясь, залезла в постель.

Новые грезы занимали все ее мысли. Это было так просто! Труд сделал из обезьяны человека – сделает и из нее. Это то, что наконец-то отличило бы ее от матери: Мия не проработала за свою жизнь и месяца. Это то, что позволило бы ей добывать деньги законно и разумно их тратить.

Того, что уже произошло, было не вернуть; дедушку Женю не воскресить, денег ему не вернуть, с братом не помириться... Нет, с братом помириться еще было можно.

Свое детство и юные годы исправить уже было нельзя, но будущее – будущее можно!

Можно пойти на тяжелую работу, чтобы упыхиваться там с утра до ночи. Можно сходить на могилу к дедушке Жене и попросить у него прощения. Можно написать Исфе. Можно восстановиться в колледже и закончить его.

Осознание этих возможностей пьянило и заставляло забиться. Чтобы не заснуть, девушка села на кровати и полезла в интернет искать вакансии. Вахтовый метод – то, что нужно! И жить будет где, и можно перемещаться с вахты на вахту, заняв этим все свое время.

Написав по нескольким объявлениям, Анита на мгновение отложила телефон в сторону и неожиданно для самой себя заснула. То темное, чем была заполнена ее душа, расцвело и заблагоухало.

Следующим утром Аничка получила приглашения на два собеседования и еще сообщение от брата: «Ко мне приходи...», – дальше текста не было видно. Открывать и смотреть, что там написал Исфа, времени не было: нужно было собираться на встречу с работодателем.

Несколько звонков от Кота Анита, погруженная в собственные фантазии о новой тяжелой, но честной и счастли-

вой жизни, тоже оставила без ответа. Наскоро подобрав наряд и сделав макияж, девушка собрала рюкзак и пулей выскочила из номера. До собеседования оставался час – самое то, чтобы добраться до пункта назначения в незнакомом городе.

Уже спускаясь по лестнице, она открыла сообщение, которое прислал ей брат, – и на мгновение ее сердце остановилось. «Ко мне приходили следователи, искали тебя. Дед написал заявление».

Казалось, ее сердцебиение сейчас было слышно во всем отеле. Девочка, осторожно ступая, спустилась на первый этаж и застыла в холле.

Слева от нее, у стойки администратора, чего-то ждали трое мужчин в полицейской форме. Стараясь не привлекать к себе внимания, Аничка торопливо прошла к выходу.

– Девушка! Анита Чистякова! – прозвучал сзади грозный мужской голос.

Анита замерла и медленно повернулась на сто восемьдесят градусов. Бежать было некуда и бессмысленно.

– Я, – с облегчением выдохнула она и подошла к идущему ей навстречу полицейскому. Вытянув вперед руки, прижатые друг к другу запястьями, она медленно проговорила:

– Задерживайте. Это я.